

ЦЕННОСТНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ

© ЦАПЕНКО И.П., 2025

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук, руководитель сектора социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (tsapenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2986-4825

Цапенко И.П. Ценностная миграция в Россию. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 4, сс. 61-77. DOI: 10.20542/afij-2025-4-61-77 EDN: AAVDIV

DOI: 10.20542/afij-2025-4-61-77

EDN: AAVDIV

УДК: 327+338+339+314.7

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 08.06.2025.

После доработки 27.08.2025.

Принята к публикации 05.11.2025.

Статья посвящена новому миграционному феномену – переселению в Россию жителей западных стран, мотивируемому неприятием навязываемых там деструктивных леволиберальных идеологических установок и стремлением к реализации традиционных духовно-нравственных ценностей. Этот процесс получил название ценностной миграции. В теории миграции при сохранении ключевого значения за объективными социально-экономическими, политическими и экологическими причинами людских передвижений все более ярко высвечиваются субъективные, психологические факторы. В современных концептах мотивации миграции человек движим стремлением более полно реализовать ценности, которым он привержен, причем не только материальные, связанные с повышением доходов, благосостояния, статуса и т.п., но и во все большей мере нематериальные, в частности традиционные духовно-нравственные, сопряженные с установками обрести на новом месте возможность вести “правильную” по канонам морали жизнь в безопасном во всех ипостасях и близком по менталитету социальном окружении, одобряющем его идентичность. В российских условиях, когда происходит столкновение социальных вызовов, связанных, с одной стороны, с усилением депопуляции, дефицита трудовых ресурсов и соответственно потребности экономики в привлечении иностранной рабочей силы, а с другой – с повышением межэтнической напряженности в отношениях между местным и приезжим населением, ценностный поток, возможно, как никакой другой, отвечает интересам принимающего общества. Он пока невелик, но стремительно растет и имеет немалый потенциал, более полной реализации которого призваны способствовать активные меры государственной поддержки и деятельность волонтерских и иных неправительственных организаций. Особенно важен качественный состав этого потока: большинство составляют люди активного трудоспособного возраста, имеющие двух и более детей, получившие высшее или среднее профессиональное образование, обладающие востребованными профессиями, свободно или хорошо владеющие русским языком, православные. Приезд таких людей, интегрирующихся в местную социокультурную среду, может внести вклад в смягчение остроты демографических проблем, ослабление дефицита рабочей силы и способствовать экономическому развитию страны.

Ключевые слова: международная миграция населения, российские традиционные духовно-нравственные ценности, ценностная миграция, рынок труда, Госпрограмма

переселения соотечественников, репатриант, гуманитарная поддержка, деструктивные леволиберальные идеологические установки, волонтерские организации.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

VALUE-BASED MIGRATION TO RUSSIA

Original article

Received 08.06.2025. Revised 27.08.2025. Accepted 05.11.2025.

Irina P. TSAPENKO (tsapenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-6065-790X
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article describes a new migration phenomenon – the resettlement of Western countries' residents to Russia, motivated by the rejection of destructive left-liberal ideological attitudes imposed there and the desire to implement traditional spiritual and moral values. This process is called value-based migration. While maintaining the key importance of the objective socio-economic, political and environmental causes of human movement in the theory of migration, subjective and psychological factors are increasingly highlighted. According to modern concepts of migration motivation, a person moves following his desire to fully implement his values. These values are both material, related to improving the income, well-being, status, etc., and increasingly more non-material ones are becoming defining, in particular traditional spiritual and moral ones, coupled with attitudes to lead a 'right' life in a new place according to the canons of morality, a safe life in all its forms and in close social environment that approves a person's identity. In Russia there is a clash of social challenges associated, on the one hand, with increased depopulation, labor shortages and, consequently, the need to attract foreign labor for the economy, and, on the other hand, with increased ethnic tensions between the locals and foreign-born ones. Under such circumstances the value-based flow, perhaps more than any other flow, meets the interests of the host society. It is remaining still small, but it's growing rapidly and has considerable potential. Active measures of state support and activities of volunteer and other non-governmental organizations should facilitate the fuller realization of this potential. The qualitative characteristics of this flow are of special importance: the majority of such migrants are people of active working age, with two or more children, who have obtained higher education or secondary vocational diploma, have in-demand jobs, are fluent or well-versed in Russian, and are orthodox Christians. The inflow of such people, who integrate into the local socio-cultural environment, can contribute to alleviating the severity of demographic problems, reducing labor shortages and contributing to the economic development of the country.

Keywords: international population migration, Russian traditional spiritual and moral values, value migration, labor market, State Program for the resettlement of compatriots, repatriate, humanitarian support, destructive left-liberal ideological attitudes, volunteer organizations.

About the author:

Irina P. TSAPENKO, Dr. Sci. (Econ.), Head of Sector, Sector for Economic and Social Development and Migration Processes, Department for Complex Socio-economic Research, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Competing interests: the author declares that there is no conflict of interest of a financial and non-financial nature.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Tsapenko I.P. Value-Based Migration to Russia. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 4, pp. 61-77. DOI: 10.20542/afj2025-4-61-77 EDN: AAVDIV

ВВЕДЕНИЕ

В исследованиях движущих сил миграции традиционно и правомерно выделяются в качестве ключевых объективные социально-экономические, политические и экологические различия в качестве жизни, включая ее материальный уровень, инфраструктуру, безопасность, правовую среду и т.п. В то же время в XXI в. все более отчетливо высвечивается роль субъективного, психологического фактора в людских перемещениях. Все больше внимания ученых привлекают личностные характеристики мигрантов и мотивы их переезда, рассматриваемые не только с ракурса повышения уровня образования и социальных запросов населения, но и сквозь призму ценностей, установок и стилезиженных предпочтений. Как отмечают исследователи, аффилированные с западноевропейскими научными центрами, в условиях череды катаклизмов, обрушившихся на современный мир и породивших серьезные социальные вызовы, “ценности влияют на миграцию гораздо более непосредственно, чем прежде, и наоборот миграция более тесно связана с глобальными изменениями, отражая борьбу вокруг ценностей” [1, p. 203]. В ценностной сфере, в частности в сфере духовно-нравственных ценностей, возникла новая ось полярностей – мирового противостояния разных идейно-ценностных проектов и моделей [2], влияние которых на миграцию символично и ярко проявляется в таком новом в своем роде и в силу этой новизны мало изученном феномене, как ценностная миграция с Запада в Россию.

Соответствующий термин первоначально и при этом совсем недавно появился в отечественных СМИ для обозначения сугубо российского иммиграционного явления – всплеска людских потоков в Россию, формирующихся под влиянием духовно-нравственных ценностей. Это выражение еще только входит в научный оборот. Исследование, результаты которого положены в основу данной статьи, было нацелено на разработку понятия “ценностная миграция”, высвечивание новых граней, ключевых проблем и перспектив российской миграционной реальности в условиях мирового соревнования разных ценностных систем. Это предполагало решение следующих задач: описание эволюции теоретических подходов к анализу влияния ценностей на миграцию, толкование миграции, мотивируемой ценностями, определение ценностной миграции, идентификацию ее места в современной России, составление социального портрета ценностного мигранта в России и характеристику мер государства и неправительственных организаций в области поддержки переезда и адаптации этой категории переселенцев.

Исследование проводилось в междисциплинарном ключе и опиралось на теоретические положения о ценностных мотивах миграции, изложенные в трудах известных психологов, социологов и представителей некоторых других дисциплин, а также результаты изысканий специалистов в области миграции и миграционной политики. В работе использована статистика ООН, Росстата, МВД России, данные опросов населения, экспертные оценки.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ЦЕННОСТЕЙ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

В научной литературе, посвященной миграции населения, можно выделить три главных области сопряжения миграции и ценностей. Во-первых, это ценностный подтекст отношений принимающего общества и иммигрантов и, в частности, характер и результаты взаимодействия идентичностей местных и приезжих жителей. Во-вторых, это культура миграции в отдающем обществе – совокупность установок и стилезиженных предпочтений, ассоциируемых с выездом за рубеж. В зависимости от типа этой культуры и конкретного социального контекста позиция социума-донора может варьироваться от одобрительной оценки отходников как инициативных и трудолюбивых, особенно в

традиционных деревенских сообществах развивающихся стран, до осуждения эмигрантов, воспринимаемых как предателей [3, сс. 68-80; 4, сс. 358-366], как это было в России в период послереволюционного “русского исхода”, массового оттока населения 1990-х и релокации в начале периода специальной военной операции (СВО) на Украине.

В-третьих, это влияние ценностных установок человека на принятие им решения о миграции, которое нуждается в более подробном рассмотрении для реализации поставленных перед данным исследованием задач. В рамках функционалистского подхода, получившего широкое распространение в миграционной теории, в частности, в ее мотивационном (поведенческом) направлении, также называемом экономическим бихевиоризмом [5, с. 99], мигрант рассматривался с утилитаристских позиций как человек экономический, рациональный, который оценивает “полезность места” (*place utility*) [6]) назначения предполагаемого передвижения, стремится максимизировать воспринимаемую полезность переезда и при этом не привержен каким-либо ценностям¹. В качестве примеров подобного подхода можно привести модель факторов выталкивания–притяжения (Е. Ли), неоклассические концепции индивидуального выбора (М. Тодаро, Л. Маружко), новой экономики миграции (О. Старк) и др., в которых люди принимают решение совершить миграцию на основании взвешенного анализа затрат в связи с переездом и ожидаемой выгоды, основанной на разрыве в уровнях заработной платы в странах исхода и назначения. В то же время абстрагирование таких теоретических схем от ценностного контекста миграции отдаляло их от реальности, ограничивая объясняющий потенциал.

С середины 80-х годов XX в. происходит постепенный отход от экономического дискурса факторов миграции. В числе перспективных направлений заявляет о себе изучение связи причин миграции не только с ее полезностью, но и с ценностями, предполагающее использование нового подхода, который можно назвать синтетическим. В то же время исследования, проводимые на основе такой методологии, исходят из сугубо рационального характера миграционного поведения, пренебрегая иррациональным компонентом последнего, который порой весьма выражен в критических ситуациях, что упрощает выстраиваемые концепты.

Поскольку ценности не имеют единой общепринятой дефиниции [7], в данной статье используются их определения, считающиеся классическими, как ориентиров и моральных принципов жизни, предикторов установок и деятельности человека². Американский демограф Р. Гарднер, опираясь на теории мотивации³ канадского психолога В. Врума и ожидаемой ценности⁴ американских психологов Дж. Аткинсона и Ж. Экклз, видел в неудовлетворенности жизнью, вызываемой нереализованностью ценностей и жизненных целей человека в среде его обитания, главный мотив отъезда в другое место, где возможна более полная реализация его ценностей и целей и соответственно наибольшая максимизация удовлетворенности от меры их достижения [11, pp. 66, 68]. Создатели подобной теоретической конструкции продвинулись гораздо дальше в объяснении эмиграционных мотивов по сравнению с так называемой моделью ущербности (*deficiency model*), объясняя эти мотивы, в отличие от указанной модели, не только недостатком у мигранта ресурсов и достижений, его уязвимостью, худшим субъективным благополучием и т.п.⁵, но и его стремлением, подкрепляемым соответствующим потенциалом, к улучшению жизненных условий и

¹ При характеристике мигранта как “максимизирующего полезность, но не приверженного ценностям человека экономического” (*value-maximising but values-free homo economicus*) [1, p. 203], используется игра слов, основанная на многозначности английского термина *value*: как полезности и как ценности.

² В частности, в трактовке американского антрополога К. Клакхона они понимаются как “концепция желаемого..., которая влияет на выбор из имеющихся способов, средств и конечных целей действия” [8, p. 395], в толковании израильским социальным психологом Ш. Шварцем – как “желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, ... являющиеся руководящими принципами в жизни людей” [9, p. 173]. Как писал американский психолог Г. Олпорт, “ценности человека являются доминирующей силой в его жизни, и вся деятельность человека направлена на реализацию его ценностей” [10, p. 543].

³ Суть этой теории заключается в предположении, что поведение человека определяется его ожиданиями относительно возможных результатов своих действий и оценкой вероятности того, что эти результаты приведут к желаемой цели.

⁴ Теория ожидаемой полезности исходит из того, что индивид принимает решения, основанные на ожидаемых результатах и ценности, которую он придает этим результатам.

⁵ Например, следуя этой парадигме, известный израильский социолог Ш. Эйзенштадт утверждал, что “любое миграционное перемещение мотивируется ощущением той или иной меры небезопасности и неадекватности жизни в родном социальном окружении мигранта” [12, pp. 1-2].

постановке на “социальный якорь” (*social anchoring*), то есть социальному закреплению в новой среде [13].

Основываясь на все том же “синтетическом” подходе, американские исследователи миграции Г. Йонг и Дж. Фосет в числе первых выделяют ценности и жизненные цели, приверженность которым может побуждать человека к миграции: богатство, статус, комфорт, получение удовольствий, принадлежность к определенному сообществу, независимость и идеалы нравственности [14, pp. 13, 49]. Соответственно при рассмотрении ожидаемых полезностей миграции сквозь призму этих ценностей переезд мотивируется максимизацией текущих или ожидаемых доходов, достижением искомого социального статуса, обретением стиля жизни, соответствующего личным предпочтениям, склонностям и установкам и т.п. [14, pp. 33, 39]. Более того, авторы дополняют распространенную схему описания факторов миграции в традиционных бинарных координатах: выталкивание–притяжение, издержки–прибыль выстраиванием новой проекции: ценности–антиценности. В частности, следование миграционным мотивам, связанным с реализацией нравственных ценностей, представляется как получение возможности вести на новом месте добродетельную, “правильную” жизнь, жить в сообществе с благоприятным моральным климатом и хорошим влиянием на детей и избегать “греховного” влияния городской жизни [14, pp. 14, 50].

Отталкиваясь от подобной позиции и при этом освобождаясь от присущего ей утилитаристского подхода, израильские психологи Е. Тартаковский и Ш. Шварц, получивший всемирную известность благодаря типологизации ценностей, фокусируются на рассмотрении мотивации к эмиграции как выражения более общих, базовых человеческих мотиваций и ценностей⁶, которые объединяют различные инструментальные ценности, направляющие действия человека.

В частности, мотивация самосохранения, представляющая наибольший интерес с точки зрения раскрытия темы данной статьи, связана с метаценностью “сохранение”. Она направлена на обеспечение физической, социальной и психологической безопасности человека и его семьи, включая защиту личных и социальных идентичностей (национальных, религиозных и профессиональных), когда в родной стране возникают угрозы реализации таких целей и ценностей, а предпочтения и традиции членов группы считаются неприемлемыми в обществе и от них ожидают соблюдения норм и законов, ущемляющих интересы этих людей [15, p. 90]. Говоря словами английского социолога Э. Гидденса, человек стремится к достижению “онтологической безопасности” (*ontological security*), согласно концепту которой чувство безопасности приходит, когда возникает ощущение порядка, преемственности, стабильности, контроля ситуации [16, p. 35], а переживания из-за ненормальности условий жизни и связанной с этим неопределенности преодолеваются. При этом у таких мигрантов гораздо слабее выражены установки на улучшение материального положения, карьерных перспектив и т.п., что нередко проявляется в передвижениях населения из более богатых в менее богатые страны.

С мотивацией самосохранения может быть связан и гораздо более широкий круг нематериальных ценностей и установок, приверженность которым, помимо безопасности, традиции и конформности, выделенных Е. Тартаковским и Ш. Шварцем, побуждает к миграции. В их числе – справедливость, свобода в разных ее проявлениях, демократия, правопорядок, ограничение государственного вмешательства в жизнь общества и человека, независимость, толерантность, самобытность, поиски нового смысла жизни, семейные ценности, стремление к счастью и др. [1, p. 202].

⁶ Ученые вычленили четыре типа мотивации эмиграции, соответствующих четырем известным блокам ценностей высшего порядка – метаценностям: самосохранение (в основе метаценность “сохранение”), самосовершенствование (“открытость изменениям”), материализм (“самоутверждение”) и идеализм (“самопревосхождение”). Материалистская мотивация предполагает стремление к благосостоянию, богатству и т.п. Мотивация самосовершенствования включает установки на развитие способностей, освоение новых компетенций и др. Идеалистическая мотивация ориентирована на формирование лучшего, более справедливого общества на новой земле безотносительно или почти безотносительно к экономическим условиям жизни [15, pp. 89-91].

Под влиянием нематериальных ценностей такого рода в истории человечества совершено немало миграций, например, потоки миссионеров из Старого света в Новый, стремившихся, по Ш. Шварцу, распространить на далеких землях европейские ценности и сделать их мир лучше, выезд диссидентов из стран соцлагеря в период холодной войны и др. В современных условиях перемещения подобного типа гораздо масштабнее и многообразнее.

Во-первых, это миграция женщин, находящихся в уязвимом положении, с Глобального Юга, особенно из мусульманских стран, благодаря которой открываются возможности разрыва с патриархальными семейными отношениями, обретения чувства уважения, самостоятельности и свободы в выборе спутников жизни [1, р. 203]. Учитывая, что масштабы миграции женщин и мужчин примерно одинаковы и, по данным ООН, в 2024 г. за пределами стран происхождения проживали 146 млн женщин из общего числа 304 млн международных мигрантов, можно допустить, что среди мигранток, помимо сопровождающих и воссоединяющихся членов семей, а также беженков, немало формально декларирующих работу и учебу в качестве целей переезда за границу, а реально движимых мотивацией обретения независимости от родных⁷.

Во-вторых, все более заметным явлением становится так называемая лайфстайл, или стилезиженная миграция (*life-style migration*) – “миграции, в которых приоритет отдается таким параметрам качества жизни, считающимся оздоровительными (*aesthetic qualities*) (во всех смыслах. – Авт.), как более благоприятная природная и социальная среда” [17, р. 169]. Хотя всем мигрантам свойствен поиск более подходящих (*meaningful*) мест для полноценной, отличающейся лучшим качеством жизни, люди, вовлеченные в стилезиженную миграцию, гораздо свободнее в выборе пункта назначения и меньше зависят от влияния экономических факторов, таких как возможности продвижения по работе и повышения доходов [17, р. 171].

Так, в XXI в. страны Южной и Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) стали весьма популярным направлением для миграции средних, обычно консервативно настроенных слоев населения остальных регионов континента. Этим людей привлекали в указанных странах, особенно в сельской местности, более размеренный ритм жизни, “аутентичный европейский стиль”, близкое им в этническом (в том числе фенотипном), конфессиональном и ценностном отношении окружение. В ЦВЕ также прибывали и выходцы из Китая, в том числе студенты и инвесторы, чтобы получить больше личной свободы и независимости в подходящей для этого социальной среде выбранных по такому критерию городов. В условиях интенсивного старения населения ширится поток пенсионеров, переезжающих из стран Северной в государства Южной Европы и Юго-Восточной Азии с более благоприятным климатом, комфортностью проживания, высоким качеством медицинских услуг при более низкой стоимости жизни, ее спокойствию и ощущении сильного чувства со/общества.

В-третьих, новым в своем роде феноменом стал переезд в Россию из стран Запада людей, разделяющих российские традиционные духовно-нравственные ценности и не приемлющих деструктивные неолиберальные идеологические установки, в частности связанные с распространением в местах их проживания идей перехода к постгуманизму и постчеловечеству, связывающих дальнейшее развитие человека не с его духовным совершенствованием, но с технологической трансформацией его тела [18, с. 61, 64], агрессивным продвижением повестки ЛГБТ⁸ и добровольной бездетности⁹, экологической пагубы многодетности¹⁰, “перегибов” ювенальной юстиции, а также всплеска русофобии и дискриминации россиян.

⁷ International Migrant Stock 2024. Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed 15.04.2025).

⁸ Здесь и далее: деятельность движения признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁹ Федеральным законом № 401-ФЗ от 23.11.2024 установлена административная ответственность за пропаганду отказа от деторождения (“чайлдфри”).

¹⁰ В Госдуме РФ разрабатывается законопроект о введении административной ответственности за дискредитацию многодетных семей.

Подобные перемещения населения отражают привлекательность реализуемого Россией ценностно-политического проекта и транслируемой за рубеж отечественной идейно-нравственной повестки, а соответственно и усиление международного влияния страны в соответствующем сегменте мировой политики. Продвижению этого проекта способствовало подписание Президентом РФ Указа № 809 от 09.11.2022 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”, закрепившего их понятие как нравственных ориентиров и утвердившего их перечень¹¹.

Движимый такими ценностями поток переселенцев получил в российских СМИ название “ценностная миграция”. Данный термин не имеет устоявшегося определения и переводного аналога, тождественного по смыслу¹². Хотя в широком смысле слова любая миграция имеет ценностный подтекст, в том числе и трудовая, преломляющая материальные ценности, в более узком, строгом смысле слова применительно к российской реальности под ценностной миграцией можно понимать перемещения людей, мотивируемые традиционными духовно-нравственными ценностями. Именно в этом значении данная категория употребляется в предлагаемой статье.

В то же время, учитывая сложность и многомерность идентичности человека, даже в случае трудовой миграции, движимой материальными интересами, в ней не могут не выражаться и другие ценности, в том числе нематериальные. Обследования мигрантов показывают, что среди них преобладают люди, для которых значимы ценности материальных благ и семьи [19, р. 796]. При том, что мигрантам присуща объективная потребность в изменении или улучшении жизни, самоутверждении и самореализации и сильная субъективная мотивация к достижению этих установок [20]. По сравнению с традиционными “отходниками”, эмигрирующие профессионалы ориентированы в большей мере на нематериальные ценности, такие как сбалансированное сочетание работы и личной жизни, профессиональный рост [21]. При этом “миграция – это не прямой путь, направляемый сигнальной ценностью”, в сознании мигрантов происходят “переговоры по множественным зачастую конфликтующим ценностям” и их последующая переработка [1, р. 203]. Поскольку миграция совершается под воздействием совокупности объективных и субъективных факторов, принятие решения об отъезде зависит в первую очередь от комплекса характеристик положения в странах исхода и назначения, а также личности самого потенциального мигранта, его жизненных целей и ценностей, реализации которых должна поспособствовать миграция.

РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ЦЕННОСТНОЙ МИГРАЦИИ

Перед российским обществом стоят серьезные социальные вызовы. С одной стороны, это продолжающаяся депопуляция и беспрецедентный дефицит рабочей силы. С другой – усиление межэтнической напряженности в регионах интенсивного притока мигрантов.

Согласно данным Росстата, с начала 1990-х годов в стране идет устойчивая естественная убыль населения, и если с 2009 г. по 2017 г. миграционный прирост позволял ее компенсировать, то в последние годы этого не происходит, даже в 2024 г., когда его вклад достиг 95%. При негативной динамике трудовых ресурсов усиливается их нехватка, проявляющаяся в “эскалации вакансий” [22]. Так, удельный вес потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест возрос с 3.7% на 31 октября 2020 г. до небывало высоких 7.6% на аналогичную дату 2024 г. Особенно остро ощущается дефицит квалифицированных работников сельского хозяйства (13%) и

¹¹ К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (п. 5 Указа).

¹² Словосочетание *value migration*, представляющее дословный, буквальный перенос (калькирование) данного выражения с русского на английский язык, означает в менеджменте движение стоимости (или миграция ценностей) из устаревших бизнесов к инновационным.

квалифицированных рабочих промышленности и строительства (10.6%)¹³. О напряженной ситуации на рынке труда свидетельствует и стремительное падение уровня безработицы с 5.8% (среди экономически активного населения старше 15 лет) в 2020 г. до рекордно низких 2.5% в 2024 г.¹⁴ Напротив, за тот же период уровень занятости повысился с 58.3% до 61.4% (в общей массе населения старше 15 лет), а численность занятых увеличилась с 71.1 до 74.2 млн соответственно¹⁵. Развертывание этих процессов на фоне сокращения населения указывает на исчерпание внутренних источников пополнения рабочей силы [22].

Единственный доступный и пока еще обильный ресурс пополнения отечественной рабочей силы – это миграция. Вместе с тем использование ее потенциала в сфере занятости также сопряжено с большим рядом ограничений, обозначенным еще в реалистской теории миграции, согласно которой прием иностранцев должен отвечать национальным интересам страны-реципиента, в первую очередь соображениям обеспечения ее безопасности, поддержания этнического и культурного баланса в обществе, защиты местных рынков труда при удовлетворении запросов экономики в рабочей силе. Необходимость решения столь разноплановых и нередко противоречащих друг другу задач и соответственно балансирования миграционной политики между Сциллой экономической потребности в притоке мигрантов и Харибдой его политической приемлемости стоит перед большинством принимающих стран, особенно на Глобальном Севере, включая Россию.

Главным каналом пополнения рабочей силы выступает трудовая миграция. Однако, согласно оценкам экспертов и данным официальной статистики, численность одновременно находящихся в России временных трудовых мигрантов, приезжающих главным образом из Центральной Азии (ЦА) и в основном для выполнения малоквалифицированного труда, сократилась с 6–7 млн в 2012–2014 гг. до 3–3.5 млн в 2022–2023 гг. [23, с. 226]. В то же время проводившаяся в течение трех десятилетий политика “открытых дверей” для “безвизовых” мигрантов из СНГ, в составе потоков которых в страну въезжали инокультурные и неадаптивные, незаконопослушные и приверженные исламу иностранцы, – привела к накоплению целого комплекса острых последствий. В их числе – замещение стареющего и сокращающего автохтонного населения аллохтонами, разрастание инородных этнических общин и сетей и укрепление лоббистских позиций диаспор, повышение криминогенных, террористических и религиозно-экстремистских угроз, распространение русофобии, усиление межэтнической и межконфессиональной напряженности и конфликтности.

Хотя в последние годы общее число преступлений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства, имеет тенденцию к стабилизации, растет его удельный вес в совокупных показателях преступности в России. Увеличивается и число тяжких преступлений, совершаемых приезжими, и особенно преступлений экстремистского характера, в числе которых теракт в “Крокус Сити Холле” в 2024 г., унесший жизни 145 человек. Ухудшению криминогенной обстановки в стране способствует и рост числа преступлений, связанных с организацией незаконной миграции [24].

В то же время реализация курса на ужесточение миграционной политики, включая усиление фильтрации въезжающих в Россию иностранцев и увеличение числа лишаемых гражданства РФ и высылаемых нарушителей закона могут снизить миграционную привлекательность страны. Это может усилить переориентацию более образованных и адаптивных мигрантов из ЦА на Корею, Турцию и Саудовскую Аравию и ослабить потоки трудовых мигрантов в Россию. В то же время гипотетическое переключение на новых доноров рабочей силы из других развивающихся регионов мира, еще более далеких культурно от России, чревато, возможно, еще более сложными проблемами адаптации и интеграции мигрантов.

¹³ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам по состоянию на 31 октября 2024 г. Федеральная служба государственной статистики. Available at: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud2024.pdf> (accessed 03.06.2025).

¹⁴ Численность безработных в возрасте 15 лет и старше и уровень безработицы. Федеральная служба государственной статистики. Available at: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed 03.06.2025).

¹⁵ Численность занятых в возрасте 15 лет и старше и уровень занятости. Федеральная служба государственной статистики. Available at: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed 03.06.2025).

Российское государство реализует также ряд других миграционных программ, однако с разной успешностью. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма переселения), в рамках которой за период 2006–2024 гг. переселились в Россию всего немногим более 1 млн человек, причем в последние годы число переезжающих, главным образом из стран ЦА и Армени, упало до минимального уровня за последние 10 лет – 32 тыс. в 2024 г., была признана экспертами низкоэффективной. В числе главных причин такой оценки – гибридный характер программы, а именно попытка совместить репатриационный характер переселения по основаниям этно-культурно-языковой идентификации и территориальной принадлежности с селективным подходом к приему переселенцев по критериям образования, специальности, опыта, возраста в целях удовлетворения потребностей в рабочей силе трудодефицитных регионов [25].

Долгосрочная миграция высококвалифицированных специалистов (ВКС), которые едут преимущественно из дальнего зарубежья: Китай, Турция, Индия, Южная Корея и Сербия, невелика и также демонстрировала в 2020-е годы тенденцию к ослаблению: с 44 тыс. разрешений на работу, оформленных в 2021 г., до 32 тыс. в 2023 г. [23, с. 228]. Напротив, учебная миграция в Россию увеличивается. В 2024 учебном году российские университеты обучали 378 тыс. иностранных граждан, что на 20 тыс. больше, чем в 2023 г. Однако нет достоверных данных о том, сколько приезжих выпускников вузов России остается работать на ее территории. Выборочные опросы говорят о том, что в некоторых регионах и по некоторым специальностям этот показатель может достигать половины окончивших обучение, в первую очередь среди выходцев из стран СНГ [26, сс. 97-98], но подобные обследования также указывают и на сложности трудоустройства в период обучения, которые могут, вероятно, сохраняться и после его окончания.

В условиях начавшейся корректировки действующих миграционных программ с учетом усилившихся социальных вызовов актуализировался вопрос содействия приезду в страну ценностных мигрантов, который в силу их социально-демографических характеристик и количественного потенциала, возможно, гораздо больше, чем многие другие потоки, отвечает интересам российского общества. Указ Президента РФ № 702 “Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности”, подписанный 19 августа 2024 г., дал старт формированию специального правового поля для такого рода передвижений из государств, которые реализуют политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки. Перечень 47 таких государств и территорий был утвержден во исполнение данного Указа Распоряжением Правительства РФ № 2560-р от 17.09.2024. Нововведения, согласующиеся с запуском этой гуманитарной и одновременно иммиграционной программы, затронули и Госпрограмму переселения, усилив ее репатриационный характер и адресацию соотечественникам, постоянно проживавшим в недружественных государствах на 24.02.2022, имевшим их гражданство и т.п.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЦЕННОСТНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ

Хотя феномен ценностной миграции в Россию по-своему нов, близкие по типу перемещения населения на территорию, занимаемую ныне страной, имели место и ранее. Исторические корни современных процессов прослеживаются, например, в происшедшем при Иване III переселении на российские земли жителей европейских государств, бежавших от религиозных войн. Этим переселенцев называли немцами, то есть немцами, не говорившими на русском языке. В тот период в Москве была построена первая немецкая слобода. Одним из первых документов, регулирующих такую миграцию, стал манифест императрицы Екатерины Второй от 4 декабря 1762 г. “О позволении иностранцам селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу”. В нем было записано: “Мы не только иностранных разных наций на поселение в Россию приемлем, и всем приходящим к поселению в

Россию, Наша Монаршая милость и благоволение оказывана будет, но и самим до сего бежавшим из своего отечества подданным возвращаться позволяем, с обнадеживаем, что они потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества”¹⁶.

Современная ценностная миграция в Россию с Запада пока невелика, но демонстрирует явную тенденцию к стремительному росту. Она объединяет два потока: зарубежных соотечественников, включая потомков российских эмигрантов ранних волн, и местных жителей государств, внесенных Правительством РФ в перечень территорий, где насаждаются деструктивные установки. Как свидетельствуют данные МВД России, внесенные в Единую межведомственную информационно-статистическую систему (ЕМИСС)¹⁷, на фоне продолжающегося снижения общей численности участников Госпрограммы переселения за 2020–2024 гг. десятикратно (!) выросла когорта переселяющихся из группы стран, включенных в указанный перечень: со 167 до 1611 человек (табл. 1). Среди участников этой программы, поставленных на учет в 2024 г., было больше всего граждан Германии (673 человека), Латвии (574), Литвы и Эстонии (по 111 от каждой).

Таблица 1. Число переселившихся в Россию (поставленных на учет) участников Госпрограммы и членов их семей, человек

Table 1. Number of Participants in the State Program and Their Family Members Who Have Moved to Russia (Registered)

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	61 952	76 466	64 805	45 101	31 695
государства, внесенные в перечень Правительства РФ*, в том числе:	167	388	646	1 216	1 611
Австрия					3
Великобритания		7	5	4	15
Германия	35	110	222	484	673
Италия	1				8
Канада	3	17	14	35	47
Латвия	90	176	276	529	574
Литва	23	43	91	67	111
Нидерланды			1	1	3
Польша	1	5	1	6	7
Португалия			1	3	7
США	5	4	2	7	11
Финляндия					8
Франция		1			8
Чешская Республика	2			7	5
Швейцария					3
Швеция			2	5	7
Эстония	4	15	26	50	111

* Без учета Украины.

Источники: рассчитано и составлено автором по данным статистической отчетности МВД России: “Переселилось (поставлено на учет) участников Государственной программы и членов их семей (на территории России)”; “Переселилось (поставлено на учет) участников Государственной программы и членов их семей (из-за рубежа)” (ЕМИСС).

До запуска гуманитарной иммиграционной программы эти люди обращались

¹⁶ Переселение в Россию: исторические примеры. *Везде наши*, 11.10.2024. Available at: <https://vezdenashi.ru/novosti/pereselenie-v-rossiyu-istoricheskie-primery/> (accessed 01.10.2024).

¹⁷ ЕМИСС. Государственная статистика. Available at: <https://www.fedstat.ru/> (accessed 05.07.2025).

с заявлениями о предоставлении временного убежища. В 2020-е годы число таких соискателей продемонстрировало скачкообразный рост с исходно низких показателей. Согласно данным МВД, в 2024 г. с заявлениями о предоставлении временного убежища в России (из-за угроз в связи с поддержкой политики российского государства) обратились 457 граждан государств, относящихся к указанному перечню: в том числе 182 – Германии и 78 – Латвии (табл. 2).

Таблица 2. Численность лиц, обратившихся с заявлениями о предоставлении временного убежища в России, человек

Table 2. Number of People Who Applied for Temporary Asylum in Russia

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	6 764	4 711	100 682	8 245	6 879
государства, внесенные в перечень Правительства РФ*, в том числе:	167	388	646	1 216	1 611
Болгария			1	2	4
Великобритания	1	2	1	12	13
Германия	2	6	54	166	182
Греция			2	1	6
Италия	4		1	3	6
Канада			2	10	16
Латвия**	5	2	20	72	78
Литва	3	2	10	28	43
Польша	2	0	6	8	5
США	3	2	15	22	32
Франция			8	10	5
Чехия			4	9	3
Эстония**	4	2	4	22	49

* Без учета Украины.

** Включая неграждан.

Источники: рассчитано и составлено автором по данным статистической отчетности МВД России “Численность лиц, обратившихся с заявлениями о предоставлении временного убежища” (ЕМИСС).

За год с момента начала действия Указа № 702, предоставляющего гражданам государств, внесенных в перечень Правительства РФ, возможность получения разрешения на временное проживание, по август 2025 г. за таким документом обратились более 1.8 тыс иностранных граждан. Наибольшее число заявлений подано от граждан Германии (369 человека), Латвии (185), США (163), Франции (136), Италии (133), Эстонии (87), Великобритании (87), Республики Кореи (78), Канады (78), Литвы (64)¹⁸.

Хотя масштабы подобной миграции пока скорее символические, ее потенциал оценивается достаточно высоко. О большом числе желающих переехать свидетельствует обращение с января по октябрь 2024 г. более 170 тысяч российских соотечественников и местных жителей других государств за помощью и консультацией по поводу переезда в Россию¹⁹. Исходя из выявленного на основе данных *Gallup World Poll* соотношения между потенциальными и реальными мигрантами, по самым скромным оценкам, можно ожидать переезда с Запада в ближайшие годы порядка 70 тыс. человек.

¹⁸ Ирина Волк: С августа 2024 г. за получением РВП обратились свыше 1.8 тысячи иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности. *МВД Медиа*, 19.08.2025. Available at: <https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-s-avgusta-2024-g-za-polucheniem-rvp-obratilis-svyshe-1-8-tysyachi-inostrannykh-grazhdan-r/> (accessed 22.08.2025).

¹⁹ Более 170 тысяч человек обратились с запросом о переезде в Россию за полгода. 31.10.2024. Available at: <https://vezdenashi.ru/novosti/bolee-170-tysyach-chelovek-obratilis-s-zaprosom-o-pereezde-v-rossiyu-za-polgoda> (accessed 04.06.2025).

По оценкам руководителя Россотрудничества Е. Примакова, возможность переезда в Россию рассматривают от 1.5 до 2.5 млн соотечественников и иностранцев, не имеющих российских корней. Глава Международного совета российских немцев, В. Гердт полагает, что потенциальных переселенцев из Германии в Россию может насчитываться порядка 2.5–3 млн²⁰.

Особенно важен качественный состав этого потока, ценный для страны по целому ряду параметров. Волонтерское объединение «Путь домой», осуществляющее консультирование людей по всему миру по поводу переезда в Россию, провело в июне 2024 г. онлайн-опрос 12 тыс. пользователей данного сервиса. На основе результатов этого обследования составлен собирательный портрет потенциального взрослого переселенца (рис.).

Подавляющее большинство желающих переехать в России – соотечественники (97%), гораздо меньше коренных жителей зарубежных стран (3%). Среди мотивов переезда доминируют нематериальные, ценностные: страх и беспокойство за детей и желание быть с Россией в этот период (43% респондентов), нацизм и русофобия в их стране (40%), пропаганда ЛГБТ (26%), угроза семейным ценностям (28%), свободе личности и мнений (22%), традиционным религиям (10%).

Это люди, приезд которых отвечает курсу государства на поддержку многодетности и улучшение демографической ситуации в стране: среди переселенцев преобладают семейные (68%), имеющие двух и более детей (53%), в том числе более 20% – многодетные.

Они представляют рабочую силу высокого качества: находятся в активном трудоспособном возрасте от 30 до 50 лет (68%), имеют высшее или среднее профессиональное образование (86%), главным образом техническое, обладают профессиями в области медицины и преподавания, а также по востребованным специальностям механика, водителя, строителя. Свободное или хорошее владение русским языком (90%) является непременным слагаемым большинства современных компетенций и залогом успешной командной работы, минимизируя проблемы языковой коммуникации в трудовых коллективах.

Большинство (69%) опрошенных – христиане, в основном – православные (59%), что во многом страхует от обострения межконфессиональных и межкультурных проблем в отношениях между местным и приезжим населением. Более того, указанные образовательные, профессионально-квалификационные, языковые и конфессиональные характеристики планирующих переезд в Россию говорят об их серьезном интеграционном потенциале. Наконец, доминирование среди возможных мигрантов тех, кто предпочитает поселиться в сельской местности (55%), вселяет надежду на возникновение новых импульсов возрождению сельских поселений в российской глубинке и развитию там современных фермерских хозяйств.

Таким образом, по совокупности перечисленных характеристик ценностные мигранты близки российскому населению по менталитету, культуре, уровню образования, готовы связать свою жизнь и будущее детей с Россией. Хотя такую миграцию нельзя рассматривать как панацею от наиболее острых социальных проблем страны, она может внести лепту в ослабление убыли населения и дефицита рабочей силы, не порождая при этом межэтнической и межкультурной напряженности.

²⁰ Гурьянов С. И варяги, и греки: как европейцы переезжают в Россию. *Известия*, 02.10.2024. Available at: <https://iz.ru/1799193/sergei-gurjanov/i-varagi-i-greki-kak-evropejcy-pereezzaot-v-rossiu> (accessed 03.03.2025).

Рисунок. Собираемый портрет потенциального переселенца в Россию
Figure. A Composite Portrait of a Potential Settler into Russia

Источник: Хочу жить в России! У каждого эмигранта своя история, но "Путь домой" один. 22.08.2024. Available at: <https://ukraina.ru/20240822/1056949005.html?ysclid=mbdufr256j734371924> (accessed 07.06.2025).

Однако массовому переселению и быстрому обустройству новых жителей России препятствуют, по их словам, проблемы с подготовкой документов и доступом к консульским услугам в недружественных странах, выездом оттуда, особенно детей, с перевозкой имущества, сложности с обучением в школах их плохо говорящих порусски детей, сохранение отдельных бюрократических правил, затрудняющих получение искомого правового статуса и т.п.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ЦЕННОСТНЫХ МИГРАНТОВ

За короткий период с 2023 г. органы власти РФ приняли ряд важных документов, которые призваны облегчить переезд в Россию и обустройство зарубежных соотечественников и местных жителей государств, внесенных в перечень Правительства РФ, ускорить получение ими более прочных миграционных статусов, расширяющих доступ к государственным социальным услугам и трансфертам. Подобные инициативы отражают значительное развитие отечественного миграционного права в направлении формирования новых сфер регулирования и усиления дифференциации управления разными миграционными потоками в условиях изменившихся реалий. При этом такие поощрительные меры резко контрастируют с ужесточением правил въезда, проживания и занятости некоторых категорий приезжих, происходящим в ответ на серьезные нарушения последними российских законов и правил социального общежития.

Идейно-нормативной основой обновленного курса стала Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 31.03.2023. Согласно этому документу, защита прав, свобод и законных интересов российских граждан от иностранных противоправных посягательств относится к числу национальных

интересов РФ (п. 15.4); РФ будет уделять приоритетное внимание поощрению добровольного переселения в Россию конструктивно настроенных по отношению к ней соотечественников, особенно тех, кто подвергается дискриминации в государствах проживания (п. 46.2).

Важным шагом в практической реализации данного курса стало введение в текст Госпрограммы переселения правовой категории “репатриант”²¹. Это новшество отразило формирование в российском миграционном законодательстве института репатриации. Поскольку под термином “репатриация” обычно понимается осуществление при содействии государства переселения соотечественников в страну гражданства или на историческую родину, а в более строгом смысле этого слова он означает возвращение на родину, у некоторых экспертов возникает вопрос, насколько правомерно использовать этот термин в отношении потомков лиц, уехавших ранее, а также тех, кто, никуда не уезжая, оказался в другой стране в результате изменения государственных границ. Выделение категории репатриантов из более общей когорты переселенцев призвано подчеркнуть ориентацию определенных мер Госпрограммы переселения именно на выехавших из страны, включая также и их потомков. При этом в отношении переселения рожденных и выросших за границей потомков граждан конкретного государства на территорию этого государства вполне применим и термин “импатриация” (воотчизнение, англ. – *impatriation*), который получает все более широкое распространение в СМИ и научных публикациях [27, с. 42]. В то же время эти терминологические нюансы не меняют сути данного миграционного процесса. Равно как и различия в названиях при сходстве основного содержания программ репатриации, получивших распространение в миграционной практике многих государств, причем развернутых в широких масштабах в Германии, Израиле, а также России.

В реформированном варианте Госпрограммы переселения определен его особый, упрощенный порядок для репатриантов. Во-первых, получение иностранным гражданином-соотечественником статуса участника Госпрограммы в качестве репатрианта или члена семьи такого участника теперь считается основанием для выдачи ему въездной визы в Россию и ВНЖ без получения разрешения на временное проживание²² в дополнение к ранее предусмотренным для участников Госпрограммы переселения возможностям ускоренного получения гражданства РФ. Во-вторых, репатрианту предоставляется возможность выбора региона вселения, в том числе не подпадающего под действие не участвующего в Госпрограмме переселения, например, Москвы и Санкт-Петербурга, особенно привлекательных для мигрантов. Однако в этом случае не предусматривается предоставление большинства государственных гарантий и социальной поддержки в рамках государственной и региональных программ переселения. Такое содействие может оказываться по усмотрению органов власти регионов вселения. Тот факт, что подобное переселение совершается не благодаря стимулирующим мерам, а напротив, несмотря на отсутствие гарантированной поддержки, служит дополнительным подтверждением нематериальной ценностной мотивации данного миграционного потока.

Аналогичное упрощение режима въезда в РФ и пребывания (проживания) на ее территории предусмотрено в соответствии с упоминавшимся Указом № 702 также для граждан государств с деструктивной неолиберальной идеологией. Таким мигрантам предоставляется право на получение разрешения на временное проживание без учета утвержденной Правительством РФ квоты и без подачи документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории и основ законодательства РФ (п. 1).

Для ускорения прохождения паспортно-визовых процедур МВД России ввело приоритетный порядок оказания таких сервисов в режиме “одного окна” указанным категориям переселенцев. Минтруд открывает в регионах консультационные пункты для прибывших. Подобные правовые нововведения и практики являются прежде всего

²¹ Указами Президента РФ № 872 от 22.11.2023 и № 809 от 18.09.2024 “О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом”.

²² Федеральный закон № 253-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 08.08.2024.

гуманитарным ответом на чаяния сочувствующих и лояльных России переселенцев, тем самым естественным образом закладывая почву для оптимизации масштабов и состава миграционных потоков в Россию.

В условиях ограничения доступа жителей западных государств к российскому официальному portalу “Госуслуги” (<https://www.gosuslugi.ru>), правительственные организации создают новые информационные площадки, призванные восполнить образовавшуюся нишу. Так, Росотрудничество запустило цифровой ресурс под названием Карта “Родина” (<https://rodina.tass.ru>), который позволяет соотечественникам, проживающим за рубежом, получить госуслуги и сервисы, связанные с переселением, образованием, профессиональной деятельностью в России и др.

Среди неправительственных проектов содействия переселению есть реализуемые как волонтерскими, так и коммерческими организациями. Крупный волонтерский проект – “Путь домой” (<https://putdomoj.ru>). Хотя этот проект был инициирован переселенцем из Германии А. Бубликом только в 2023 г., к середине 2024 г. в его рамках было оказано содействие в переезде сюда более 2.5 тыс. семей. При поддержке, включая консьерж-сервис, Нижегородского кадрового агентства “ОКА” (<https://ru.oka-agency.com>), также руководимом переселенцем из Германии Я. Пиннекером, совершается переезд в область зарубежных высококвалифицированных специалистов, инвесторов, бизнесменов, которым оказывается содействие в подготовке документов и прохождении процедур для получения разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства РФ. Результативность деятельности организаций, создаваемых переселенцами, обусловлена, с одной стороны, лучшим знанием проблем и потребностей соотечественников, находящихся за рубежом, а с другой, – доверием и взаимопомощью, традиционно являющихся важными ресурсами в этнокультурных социальных сетях и сообществах соотечественников. Чтобы наращивать помощь, этим организациям необходима поддержка государства.

В целом совпадение по времени нарастающей волны миграции из западных стран с принятием новых мер миграционной политики, а также запуском ряда проектов по содействию переселению может указывать если не на эффективность большинства таких инициатив, то по крайней мере на их своевременность и востребованность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При том что любая миграция, в том числе совершаемая по экономическим соображениям, имеет ценностный подтекст, и значительная часть людских перемещений происходит под влиянием нематериальных ценностей, специфически российское понятие “ценностная миграция” относится к передвижениям населения, мотивируемым сугубо традиционными духовно-нравственными ценностями, из стран с нередко более высоким относительно российского уровнем благосостояния. Это нетипичные потоки, отражающие главенство ценностных различий среди причин переезда и, в частности, притягательность российского идейно-ценностного проекта, привлекательность возможностей жизни, работы, учебы и особенно – воспитания детей в стране, стремящейся сохранить и укрепить традиционные созидательные ценности. Разумеется, этот феномен нуждается в дальнейшей концептуализации.

Несмотря на попытки недружественных государств изолировать и ослабить Россию, поток переселенцев в нее усиливается. Этому благоприятствует действие ряда программ и проектов содействия переселению. Однако на пути миграционного процесса существует и немало препятствий. Чтобы обеспечить переезд в страну гораздо большего числа желающих и сделать их инкорпорацию более легкой и быстрой требуется наращивание такой поддержки на всех этапах от подготовки за рубежом к переезду и до закрепления в регионе вселения и во всех областях от консультаций и юридической поддержки и до финансовых трансфертов. Тогда в выигрыше окажутся не только переселенцы, но и принимающая их страна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Xiang B., Nyíri P. Migration and Values. Intersections. *East European Journal of Society and Politics*, 2022, vol. 8(2), pp. 201–206. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.1059
- Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства. *Полис. Политические исследования*, 2025, № 5, № 5, сс. 112–134. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Centers of Power in World Politics: Diversifying Leadership Resources. *Polis. Political Studies*, 2025, no. 5, pp. 112–134. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2025.05.08
- Цапенко И.П., Гришин И.В., отв. ред. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 233 с. [Tsapenko I.P., Grishin I.V., eds. *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism*. Moscow, IMEMO, 2018. 233 p. (In Russ.)]
- Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko, I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 512 p. (In Russ.)]
- Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. Москва, Диалог МГУ, 1999. 256 с. [Iontsev V.A. *International Population Migration: Theory and History of Study*. Moscow, Dialog MGU, 1999. 256 p. (In Russ.)]
- Wolpert J. Behavioral Aspects of the Decision to Migrate. *Papers of the Regional Science Geographical Analysis*, 1965, no. 10, pp. 120–141.
- Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции. *Вопросы философии*, 1996, № 4, сс. 15–26. [Leontiev D.A. Value as an Interdisciplinary Concept: The Experience of Multidimensional Reconstruction. *Voprosy filosofii*, 1996, no. 4, pp. 15–26. (In Russ.)] Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=smpxdd&ysclid=mdelu7beuf435522184> (accessed 03.03.2025).
- Kluckhohn C. Values and Value-Orientations in the Theory of Action. Parsons T., Shils E., eds. *Toward a General Theory of Action*. Cambridge, Harvard University Press, 1951, pp. 388–433. <http://dx.doi.org/10.4159/harvard.9780674863507>
- Schwartz S.H. Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences Across Nations. Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G., eds., *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. London, Sage, 2007, pp. 169–203.
- Allport G. *Pattern and Growth in Personality*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1961. 593 p.
- Gardner R. Macrolevel Influences on the Migration Decision Process. De Jong G., ed. *Migration Decision Making*. New York, Pergamon Press, 1981, pp. 59–89.
- Eisenstadt S.N. *The Absorption of Immigrants*. London, Routledge & Kegan Paul, 1954. 276 p.
- Grzymala-Kazłowska A. From Connecting to Social Anchoring: Adaptation and 'Settlement' of Polish Migrants in the UK. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2018, vol. 44(2), pp. 252–269. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1341713
- De Jong G.F., Fawcett J.T. Motivations for Migration: An Assessment and a Value-Expectancy Research Model. De Jong G., ed. *Migration Decision Making*. New York, Pergamon Press, 1981, pp. 13–58.
- Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for Emigration, Values, Wellbeing, and Identification Among Young Russian Jews. *International Journal of Psychology*, 2001, vol. 36, no. 2, pp. 88–99. DOI: 10.1080/00207590042000100
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991. 256 p.
- Scholten P., ed. *Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity*. Cham, Springer, 2022. 500 p.
- Садовая Е.С. Социальная повестка эпохи общественных трансформаций. *Полис. Политические исследования*, 2025, № 3, сс. 61–75. [Sadovaya E.S. Social Agenda in the Era of Social Transformations. *Polis. Political Studies*, 2025, no. 3, pp. 61–75. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2025.03.05
- Williams N., Thornton A., Young-DeMarco L. Migrant Values and Beliefs: How Are They Different and How Do They Change? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2014, vol. 40(5), pp. 796–813. DOI: 10.1080/1369183X.2013.830501
- Батурина Н.В., Вяткина В.В. Психологические факторы внутренней миграции населения России. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2020, № 2(81), сс. 155–159. [Baturina N.V., Vyatkina V.V. Psychological Factors of Internal Migration of the Russian Population. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2020, no. 2(81), pp. 155–159. (In Russ.)] DOI: 10.24411/1999-6241-2020-12005
- Strack R., Antebi P., Kataeva N., et al. *BCG Decoding Digital Talent*. 2019. 16 p. Available at: https://web-assets.bcg.com/img-src/BCG-Decoding-Digital-Talent-May-2019-R-2_tcm9-219578.pdf (accessed 30.08.2024).
- Капелюшников Р.И. Эскалация вакансий на российском рынке труда. *Препринт WP3/2024/02*. Москва, Издательский дом ВШЭ, 2024. 60 с. [Kapelyushnikov R.I. *Vacancy Escalation in the Russian Labor Market. Working Paper WP3/2024/02*. Moscow, HSE Publishing House, 2024. 60 p. (In Russ.)]
- Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии. *Журнал НЭА*, 2024, № 2(63), сс. 223–232. [Florinskaya Yu.F. Labor Migration to Russia: Reduction of Flows Accompanied by a Little-Changing Geography. *Journal of the New Economic Association*, 2024, no. 2(63), pp. 223–232. (In Russ.)] DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232
- Щербаква Е.М. Преступность в России, 2024 год. *Демоскоп Weekly*, 2025, № 1075–1076. [Shcherbakova E.M. Crime in Russia, 2024. *Demoskop Weekly*, 2025, № 1075–1076. (In Russ.)] Available at: <https://demoscope.ru/weekly/2025/01075/barom01.php> (accessed 03.06.2025).
- Donets E.V., Chudinovskikh O.S. Russian Policy on Assistance to the Resettlement of Compatriots Against the Background of International Experience. *Population and Economics*, 2020, vol. 4(3), pp. 1–32. DOI: 10.3897/popecon.4.e54911

26. Махотаева М.Ю., Бакуменко О.А. Факторы выбора карьерной траектории иностранными выпускниками региональных университетов. *Высшее образование в России*, 2022, т. 31, № 11, сс. 90-105. [Makhotaeva M.Yu., Bakumenko O.A. The Factors of Choosing a Career Path for Foreign Graduates of Regional Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2022, vol. 31(11), pp. 90-105. (In Russ.)] DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-90-105
27. Ковалев М.П. Репатриация как вид миграции: методологические проблемы исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 2009, № 327, сс. 42-44. [Kovalev M.P. Repatriation as a Type of Migration: Methodological Problems of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 327, pp. 42-44. (In Russ.)] Available at: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/840/files/327-042.pdf> (accessed 03.06.2025).